

Литературныя новости.

(„Вѣстникъ Европы“. Книга 4-ая).

„Вѣстникъ Европы“ въ послѣднее время ожилъ. Въ немъ собираются писатели, пользующіеся солидной извѣстностью, популярностью среди читателей, такъ сказать современные Тургеневы и Гончаровы. Правда, иличиномъ пониже прежнихъ, но ужъ въ этомъ виновата не редакция журнала, а время. Редакция даетъ то, что можетъ дать, и даетъ она хорошее, лучшее для даннаго времени.

Въ послѣдней книжкѣ журнала появился М. Горькій съ рассказомъ „Три дня“. Рассказъ этотъ чисто художественный, бытовой, сильно отличается отъ послѣднихъ его произведеній, писавшихся на заданную тему. Въ данномъ случаѣ на него, вѣроятно, повлияли художественныя, солидныя традиціи журнала.

Рассказъ „Три дня“ еще не оконченъ, но дальнѣйшее развитіе его, болѣе или менѣе, ясно. Съ тѣмъ умѣньемъ, которое его отличаетъ, М. Горькій сразу заинтересовываетъ читателя. Съ первыхъ главъ его рассказа на читателя вѣетъ драмой, которая еще находится въ глубинѣ, которая еще не осознана хорошо героемъ ея, но которая уже развивается въ его душѣ, какъ растение изъ брошеннаго въ землю сѣмени.

Въ рассказѣ сынъ богатаго мельника-крестьянина находится въ связи съ деревенской дѣвкой Христиной. Она ловко, съ чистоженской хитростью, бросаетъ ему въ душу мысль объ убійствѣ отца. Бросаетъ такъ, что сразу и не поймешь—говоритъ она это съ умысломъ или по наивности. Когда онъ упрекаетъ ее, что она мало его любитъ, она возражаетъ:

— А ты полна-ка! Не любила-бы, такъ гуляла-бы со Степаномъ.

— Съ нищимъ-то?

Онъ не особенно любитъ Христину, какъ и она его, вообще онъ неспособенъ особенно увлекаться чувствомъ, какъ и она—же (что и сблизжаетъ его съ нею), но ея подстрекательство падаетъ на плодородную почву потому, что онъ мечтаетъ о широкомъ, новомъ хозяйствѣ, что онъ честолюбивъ, и душа его рвется изъ тѣсныхъ рамокъ, въ которыхъ его держитъ отецъ.

Фонъ драмы набросанъ хорошо, умѣлой рукой мастера, тонъ рассказа до сихъ поръ выдерживается очень удачно, написанъ онъ прекраснымъ языкомъ. Но пока это еще приступъ къ драмѣ, пока еще только фонъ, и остается ожидать, какъ на этомъ фонѣ удастся автору изображеніе самой драмы.

Два рассказа въ книжкѣ посвящены помѣщичьей средѣ — крѣпостному праву и остаткамъ его. Первый рассказъ—г. Бунина: „Суходоль“. Онъ взятъ еще изъ эпохи крѣпостного права—такой далекой и такой близкой намъ. Въ рассказѣ этомъ какъ-бы соединился Тургеневъ, съ его любовнымъ изображеніемъ крѣпостного быта, со Шедринымъ въ его „Помехонской старинѣ“. Авторъ изображаетъ крѣпостное помѣщичье имѣніе Суходоль со всей его дикостью, но имѣющее что-то притягательное и въ своей дикости—вслѣдствіе близости помѣщиковъ къ дворнѣ, жившихъ какъ-бы одною дикою жизнью. О, нѣтъ, это не были нѣмецкіе рыцари, въ нихъ, даже въ ихъ дикости больше живого, понятнаго массѣ. Только ничего не создала эта жизнь, ничего не оставила, протекла она въ деревянныхъ домахъ, да и сама была такая-же непрочная.

Впрочемъ, нѣтъ, въ дунахъ она кое-что оставила. И это рисуетъ рассказъ г. Тимковскаго: „Въ дворянской берлогѣ“. Здѣсь рисуется дворянско-помѣщичья жизнь настоящаго времени, и сколько въ ней дикаго, оставшагося отъ стараго крѣпостного права! И это дикое проявляется наследственно, произвольно, какъ упорно растутъ хрѣнь въ саду, уничтожаемый, выкапываемый, но все вырастающій изъ оставшихся кусочковъ корней.

Авторъ это прекрасно изобразилъ на личности своей молодой героини, молодой помѣщицы Елены Львовны. Она училась, она преисполнена благихъ намѣреній, но изъ подъ нихъ, изъ стараго крѣпостного наследства вырастаютъ темныя инстинкты—произволь, пренебреженіе къ людямъ, нравственная небрежливость, распущенность. Она производитъ впечатлѣніе дегенератки, но авторъ въ концѣ рассказа напрасно помещаетъ ее въ сумашедшій домъ. Такой конецъ возможенъ, но онъ ослабляетъ впечатлѣніе, уменьшая ея значеніе для обрисовки той среды, изъ которой она вышла. Съ больного челоука что же взять, тогда какъ болень собственно не отдѣльный челоукъ, а вся среда.

Рассказъ г. Бунина помѣщенъ на первомъ мѣстѣ, редакция, очевидно, придавала ему особенное значеніе, но онъ намъ меньше понравился, чѣмъ другіе рассказы г. Бунина—вслѣдствіе неопредѣленности отношеній автора къ изображаемому. За то рассказъ г. Тимковскаго сильнѣе многихъ другихъ его рассказовъ. Къ беллетристикѣ можно отнести и воспоминанія шлиссельбургца г. Фроленко: „Свобода“. Авторъ изображаетъ освобожденіе заключенныхъ изъ Шлиссельбурга и особенно хорошо тотъ моментъ, когда и заключенные и тюремщики вдругъ почувствовали, подъ влияніемъ новыхъ вѣяній, что всѣ они люди.

„Было произнесено слово „свобода“, хотя и неполная,—и всѣ враждебныя чувства разомъ куда-то исчезли: враги вдругъ превратились чуть не въ друзей, и большей благожелательности, чѣмъ видѣвшаяся на лицахъ провожавшихъ, трудно было бы и ожидать. И она невольно передалась отъѣзжавшимъ, заразила ихъ. На мигъ они забыли все зло, страданіе, вынесенное ими за годы заключенія, и простивъ всѣхъ и вся, отдавались радости всецѣло, отъ всей души, готовые обнимать, цѣловать всякаго, жать ему руку“.

Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ мѣста поговорить о серьезныхъ статьяхъ журнала, касающихся интересныхъ вопросовъ, каковы „Фрейдъ и Фрейдисты“ Костылева, „Туберкулезъ и современная больница“ д-ра Мих. Юшкевича. Особенно, злободневный интересъ представляетъ статья г. Бѣлоруссова: „Масоны во Франціи“, такъ какъ о масонахъ теперь много говорятъ у насъ черносотенцы.

Масоны во Франціи играютъ большую роль, но, конечно, не ту всесвѣтную роль, которую приписываютъ имъ и евреямъ черносотенцы, въ разстроенномъ воображеніи которыхъ масоны и евреи соединились въ одинъ фантастическій образъ — „жидо-масоновъ“. Своего рода „чудище обло, озорно, стозѣв-не и дая“.

А. Ум—скій.